

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 904/908

DOI 10.17223/19988613/40/15

Е.В. Водясов, О.В. Зайцева

ХРОНОГРАФ «ТОЯНОВА ГОРОДКА»: К ИСТОРИИ ЭУШТИНСКИХ ТАТАР В XVII–XVIII вв.

Исследование осуществлено в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд Томского государственного университета им. Д.И. Менделеева» в 2015–2016 гг.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 15-11-70601 е/р «Комплексные полевые исследования городища «Тоянов городок» – ключевого археологического памятника для изучения истории основания г. Томска».

Статья посвящена истории Тоянова городка и эуштинских татар в XVII–XVIII вв. Несмотря на тот вклад, который внес князь Тоян в появление на карте Сибири нового русского города Томска, история княжеской ставки, в отличие от Томского города, долгое время оставалась не изученной. Рассмотрены основные моменты исторической судьбы князя Тояна и его подданных и их взаимоотношения с русским населением. Также обсуждаются дискуссионные вопросы, связанные с происхождением томских татар и вхождением их территорий в состав Сибирского ханства.

Ключевые слова: Князь Тоян; эуштинские татары; Тоянов городок; колонизация Сибири.

Память о князе Тояне следует положить во главу угла возводимого нами здания под именем “Томской Старины”. Приглашаю всех, любящих свой край и знающих его, носить кирпичи, бревна и известь и помогать в постройке.

А.В. Адрианов (Томская старина. 1912)

Для изучения истории основания города Томска ключевое значение имеют два археологических памятника: Томский город и Тоянов городок. При этом первый систематически и планомерно изучался, здесь проводились многолетние археологические исследования, давшие богатейшие коллекции, представленные в музеях города [1, 2]. На южном мысу Воскресенской горы установлен памятный камень в честь основания г. Томска и реконструирована часть Томского кремля второй половины XVII в. Можно спорить о достоверности этой реконструкции и о правомерности установки памятного знака именно на южном мысу, но это место уже прочно вписано в «сакральную топографию» нашего города и стало значимым «местом памяти» для горожан.

Второй археологический памятник – Тоянов городок – зимняя ставка эуштинского князя Тояна, расположенный на левом берегу Томи, прямо напротив Томского города, к сожалению, таким местом памяти не стал и надолго был предан забвению, разрушался и застраивался. Если «место памяти» выпадает из поля самоидентичности городского социума, оно обрекается на забвение и уничтожение. Важный для жизни коллектива опыт должен получить пространственно-временную фиксацию в «местах памяти», связанных со значимыми для самоидентификации группы лицами или событиями. Именно выпадение этого объекта наследия из коллективной памяти привело к тому, что «Тоянов городок» даже не стоял до 2015 г. на государ-

ственной охране и получил статус только после наших полевых исследований, доказавших наличие сохранившихся участков культурного слоя.

Впрочем, не многим больше «повезло» и неординарной исторической личности самого князя Тояна – историки не посвятили ему ни одного монографического исследования, да и отдельных научных статей, посвященных его биографии, нам не удалось обнаружить. При этом, как совершенно справедливо отмечает Л.И. Шерстова, особые отношения между местным князем Тояном и русскими властями стали важным фактором жизнеспособности и значимости Томского города [3. С. 71]. Именно князь Тоян возглавил посольство к царю Борису Годунову, в результате чего земли эуштинских татар вошли в состав Русского государства, а на правом берегу Томи в 1604 г. возник новый русский форпост. Тоян также выразил желание помочь русским строить город на удобном месте в своей земле. В награду за свои труды Тоян получил для себя и своих подданных освобождение от ясака. В истории сибирской колонизации было не так уж много примеров подобного мирного взаимовыгодного присоединения земель.

Тоянов городок – это ещё и один из редчайших археологических памятников Сибири, известный по историческим источникам и нанесенный на карту в самом конце XVII – начале XVIII в. Однако планомерных научных раскопок на нём никогда не проводилось. В XIX–XX вв. археологов больше интересовал распо-

женный рядом с городищем одноименный курганный могильник [4. С. 10]. Нами до сих пор так и не обнаружен подробный чертёж городища. Возможно, он никогда так и не был сделан. О необходимости снять детальный план Тоянова городка писал еще в 1938 г. археолог Н.А. Чернышев [5. С. 14], однако сам он этого не сделал. Более того, когда большая часть памятника уничтожилась в 1920–1930-х гг. в ходе строительства на его территории туберкулезной больницы, археологи не предпринимали попыток исследовать городище, продолжая при этом (!) копать прилегающий могильник [6], и лишь некоторые краеведы отважились выступить против застройки [4. С. 16].

После обнаружения нами в 2015 г. неразрушенных участков культурного слоя Тоянова городка есть надежда, что от истории разрушения и забвения мы, наконец, перейдем к научному изучению этого столь значимого для истории нашего города археологического памятника. В этой связи мы попытались создать своего рода хронограф важнейших событий в истории Тоянова городка. Для воссоздания ключевых моментов в истории татар Нижнего Притомья мы использовали исторические источники XVII–XVIII вв. (грамоты, наказы, отписки, челобитные и т.д.), содержащие информацию о князе Тояне и его подданных, а также труды различных ученых по истории Сибири.

Тоянов городок и его обитатели в XVII в. Как известно, Томск основан в 1604 г. Однако он не является начальной датой знакомства русских с эуштинцами. В 1788 г. вышел в свет сборник исторических документов и записок о сибирских служилых людях. В этом документе мы находим следующую интересную информацию: «В 1601 г. проведен и поставлен Томский город острогом на Томи реке, вверх от Оби реке, на горе, над Ушайкою речкой; а проводывал и острог ставил посланный из Тобольска, тобольский сын боярский, Василий Фомин сын Тырков, с Тобольскими, Тарскими, Березовскими и иных городов служивыми людьми. В 1602 г. в Томском городе первые воеводы, Василий Васильевич Волынский, да Михайло Игнатъев сын Новосильцев; они первый город Томский поставили рубленный» [7. С. 118].

Из этого документа следует, что отряд Василия Тыркова еще в 1601 г. разведывал земли, находящиеся во владении князя Тояна. Более подробно о первой экспедиции русских в земли эуштинцев сказано в челобитной внука Василия Тыркова к царю Алексею Михайловичу: «...Да в прошлых же, государь, годех окольныхчей и воевода Семен Сабуров посылал деда моево ис Тобольска в Томь через Тару ко князем и к мурам с вашим государским жалованьем с милостивым словом и с ковши и с платьем из грамотами за вашею государскою красною печатью. Да в прошлом же году во 111 году посылай был дед мой с служивыми людьми ставить *вновь* (курсив наш) Томский город и дед мой Василий Тырков Томский город поставил и которые были немирные земли, Томь и Чаты и Тулу-

маны и Кузнецы и Мелесцы и тех под высокую вашу государеву руку привел и ясак с них взял» [8. С. 58]. Скорее всего, именно в 1601 г. состоялась первая дипломатическая встреча русских служилых людей с князем Тояном. При этом важно, что поход Василия Тыркова в татарские волости не был военным, поскольку русские люди плыли к эуштинским татарам с дарами и «милостивым словом».

В 1938 г. Н.А. Чернышев также упоминал, что еще до постройки Томского острога существовало русское укрепленное поселение на левом берегу Томи рядом с городищем князя Тояна [5. С. 14]. К сожалению, никаких ссылок Н.А. Чернышев не приводит. Почему, по его мнению, русские построили укрепленное поселение именно на левом берегу Томи, остается непонятным. Главное для нас, что в 1601 г. городок князя Тояна уже существовал, и в его землях состоялась важная историческая встреча.

На момент прихода русских по письменным источникам было известно 4 эуштинских городка, население которых являлось подданными князя Тояна. Ими являлись собственно Тоянов городок напротив г. Томска, Евагин городок, находящийся ниже по течению р. Томи, Ашкенеев городок в устье р. Томи и городок в так называемой Кривой Луке на р. Оби [9. С. 106].

Отдельная проблема связана со временем появления городка Тояна. Разрозненные археологические материалы, полученные в ходе сборов, а не планомерных раскопок, говорят о том, что люди на этом мысу появились уже в раннем железном веке. Есть также керамические комплексы развитого и позднего Средневековья. Однако сказать, когда именно на мысу появились предки эуштинцев на основе анализа этих археологических материалов, пока не представляется возможным. Тем не менее в письменном обращении к томским властям самих эуштинцев в начале XIX в. сказано: «Бывший наш князец Тоян Ермаштеев с прадеды, деда и отцы их до поселения еще города Томска жили в Сибири, где ныне существует Томская губерния, за Томью рекой по течению оной на левой стороне своим городком...» [3. С. 71–72]. Если в городке Тояна жил его прадед, значит, эуштинцы обитали на этой территории как минимум за 50 лет до прихода русских.

В начале XVII в. эуштинские татары оказывали всяческую помощь русским в освоении Обь-Томского междуречья. Татары помогали строить Томский острог в 1604 г., перевоза бревна и пригоняя туда своих лошадей [10. С. 92], они несли военную службу, участвовали во многих военных и разведывательных походах, часто выступали в роли переводчиков.

В 1627 г. численность татар Томского Приобья, находящихся на государственной службе в Томске, составила 120 человек, а через десять лет – уже 172 человека [11. С. 56–57]. Каждый третий представитель служилого населения Томска в первой половине XVII в. был выходцем из местных татар.

В феврале 1609 г. князь Тоян вместе с русскими служилыми людьми отправился к телеутскому князю Абаку предлагать ему присягнуть русскому царю взамен на государственное жалование и определенные льготы. В результате этих переговоров телеуты получили право кочевать близ Томска, а между Тояновым городком и Томском появился «колмацкий торг», где русские и татары могли покупать лошадей и коров, а также различные вещи [12. С. 416]. Несмотря на успех этого похода, в этом же 1609 г. томским татарам не повезло дважды. Летом 1609 г. отряд из 300 человек, состоящий из русских служилых людей и томских татар, отправился воевать с киргизами [9. С. 419–420]. Сначала русским и татарам удалось обратить киргизов в бегство на Енисей и увести у них скот в 3 000 голов. Однако на обратном пути в Томск отряд был неожиданно атакован теми же киргизами, которые вернули свои стада и ранили более 20 человек, среди которых были и русские, и татары. Раненые татары вернулись в свои дома 4 июля 1609 г., и в эту же ночь на их караулы напали черные калмыки, которые убили многих сторожей и увели скот эуштинцев [Там же]. Следующий 1610 г. был для эуштинцев не легче. Отряд русских и татар численностью 40 человек отправился в Кузнецкие волости собирать ясак с местного населения. Кузнецкие татары ясак выплатили не весь, но проблема заключалась в другом: время в пути от Томска до ближайших кузнецких волостей занимало 7 недель по глухим труднопроходимым местам, поэтому многие томские татары умирали в пути от голода [12. С. 424–425].

В 1611 г. русские официально привели к присяге подданных Тояна на территории его городка, а также всех остальных татар в Нижнем Притомье. Сам же князь Тоян шертовал со своими товарищами ранее в самом Томске [9. С. 257]. В 1611 г. томские служилые люди вместе с эуштинцами отправились в Кузнецкие земли предлагать местным татарам подчиниться и платить ясак. По пути они остановились в городке князя Базаяка и узнали от него, что киргизы пытаются склонить кузнецких татар воевать против русских [12. С. 426–427]. Через несколько лет, в 1614 г., киргизы напали на Томский город и разорили земли томских татар. В ответ эуштинцы с русскими отправились войной против киргизов и на их территории убили киргизского князя Нааяна [Там же. С. 433].

В условиях постоянной опасности русские помогали томским татарам оборонять их городки. В 1616–1617 гг. томская администрация постоянно, и зимой и летом, посылала отряды численностью в 20 и 30 человек нести караульную службу в эуштинских городках [Там же. С. 439].

В 1621 г. по государственному указу князь Тоян вновь отправился к телеутскому князю Абаку. Целью экспедиции являлось получение сведений о черных калмыках, их численности и расселении на реке Оби [9. С. 318]. В этом же году эуштинцы напали на киргизов,

а добытые трофеи тут же продали казакам и бухарцам [3. С. 71]. Всего через год состоялся новый поход против киргизов – на этот раз воевать отправился совместный отряд из русских, чатов, телеутов и эуштинцев [9. С. 377]. Естественно, киргизы собирались идти ответной войной на томские земли, поэтому летом – осенью 1622 г. воеводы велели всем эуштинцам не покидать своих городков и усилить караулы из-за нависшей опасности [Там же. С. 334–335]. В октябре 1624 г. томский служилый татарин Иссечка со своими людьми отправился в киргизские земли разведывать, где кочуют киргизы, в каком количестве и насколько мощна оборона их городков [Там же. С. 369].

Во время походов против киргизов томские отряды постоянно брали в плен либо местных князей, либо их ближайших родственников и просили за них выкуп [13. С. 53–56]. Так, в 1624 г. у князя Тояна находилась в плену жена киргизского князя Кошкая [Там же. С. 56]. Эуштинец Аргуй удерживал в Томске племянника князя Ишея. В это же время томский подгорный татарин Сентура держал у себя Русака – сына убитого киргизского князя Нааяна. Пленника выкупил его брат Бектен за соболиную и волчью шубу, два сорока соболей и 26 бобров [Там же]. Однако алчность некоторых сибирских первопроходцев не знала границ – пока князь Бектен выкупал у эуштинца брата, русские служилые люди взяли в плен его жену с сыном. Бектен заплатил за возврат своей семьи 18 рублей (больше, чем годовое жалование казачьей головы того времени) и семь сороков соболей [Там же].

В декабре 1629 г. на эуштинцев в устье реки Томи напали черные калмыки. Многих татар они ранили, некоторых взяли в плен, а также угнали лошадей. На помощь были срочно посланы из Томска служилые люди. Отряду удалось догнать калмыков на р. Шегарке, разбить их и вернуть живыми взятых в плен эуштинцев вместе с их лошадьми. Выжившие калмыки бежали в степь, но многие умерли от ран, не преодолев и 10–20 верст от места сражения. После битвы жители р. Шегарки сообщали, что видели множество трупов и более 100 умерших от ран лошадей [9. С. 420–421].

Исторические события первой трети XVII в. позволяют нам в полной мере представить масштабы военной опасности и постоянной смертельной угрозы. За 20 лет томские татары приняли участие как минимум в 14 походах и сражениях. К тому же некоторые военные конфликты могли и не попасть на страницы исторических документов.

Военные походы и командировки эуштинцев, а также переезд многих из них в Томск должны были сказаться на постепенном опустении Тоянова городка. Этому также способствовала исходившая военная опасность со стороны телеутов и киргизов. Известно, например, что в 1630 г. телеуты пошли войной на Тоянов городок и на Томск, но передумали нападать на ставку Тояна, узнав от разведчиков, что русские служилые люди (по

всей видимости, вместе со своей артиллерией) находятся в Тояновом городке и помогают эуштинцам обороняться [9. С. 429–430]. Уже через год томский воевода Петр Пронский решил переселить часть татар с Тоянова городка, а также эуштинцев с Юрточной горы на новое место близ Томска, которое позже станет известно как Татарская слобода [3. С. 72]. Сам князь Тоян в конце 1620-х гг. уже жил в Томском городе со своей семьей и многими эуштинцами [13. С. 56, 75].

Учитывая это, а также то, что на территорию Тоянова городка частично заходили курганы XVII в. [14. С. 140], мы склонны предположить, что к середине XVII столетия татары в большинстве своем ушли из Тоянова городка, устроив на нем родовое кладбище.

Другая причина, во многом изменившая культурный облик томских татар и географию их расселения, связана с проникновением ислама в среду эуштинцев на протяжении XVII–XVIII вв. Известно, что в 1646 г. эуштинцы приносили присягу царю Алексею Михайловичу еще по «языческому» обряду [15. С. 74]. Однако культурное влияние диаспор мусульман в лице бухарцев, поволжских татар и чатов, исповадовавших ислам до эуштинцев [16. С. 174–175], привело к смене конфессиональной принадлежности большинства томских татар. В результате этого многие эуштинцы стали селиться по религиозному признаку вместе с приезжими мусульманами в окрестностях Томска [17. С. 127].

Тоянов городок и его обитатели в XVIII в. Важную информацию о Тояновом городке мы находим на карте С.У. Ремезова 1699–1701 гг. [18]. С.У. Ремезов изобразил эуштинские юрты в двух местах: примерно там, где находится Тоянов городок, и на месте современной деревни Эушта. Такая ситуация была характерна для хозяйства сибирских татар в целом. Главная «зимняя» укрепленная ставка находилась на мысу, а заливные острова и пойма использовались как сезонные летние поселения, чрезвычайно удобные для выпаса скота. Все известные эуштинские юрты Нижнего Притомья, нанесенные на карту С.У. Ремезовым, имели подобную организацию сезонных поселений. В дальнейшем это внесло путаницу в вопрос о локализации Тоянова городка. Так, еще Г.Ф. Миллер указывал на нахождение Тоянова городка то на левом берегу Томи [19. С. 172], то на острове [9. С. 106]. Однако данная проблема решается просто – те же самые эуштинцы жили в двух местах в зависимости от сезона. Причем со временем Тоянов городок оказался совсем заброшенным, и томские татары полностью переселились на пойменные луга Томи. По указанию Г.Ф. Миллера, в 1740 г. городок состоял «...из 20 зимних жилищ эуштинских татар, повелителем которых ко времени, когда был построен город Томск, являлся бий, или князь, по имени Тоян, живший здесь. Из-за частых нападений киргизов и телеутов он укрепил это место валом и рвом (по-татарски *Karım*)» [19. С. 172]. Через полвека, в 1791 г., татар-эуштинцев в Тояновом городке осталось всего 4–5 дворов, поскольку остальные съехали на ост-

ров вниз по Томи на три версты от прежнего места жительства. Жителями же Тоянова городка в большинстве своем стали прибывшие с Чулыма татары, занявшие брошенные дома эуштинцев [20. С. 78–79]. В 1734 г. Г.Ф. Миллер встречался с эуштинским князем и получил от него выписку из наказа Писемскому и Тыркову об освоении г. Томска в 1604 г. [12. С. 501]. Эта выписка содержала сведения о князе Тояне и его подданных. Но не менее важно, что выписка более 100 лет передавалась по наследству, начиная с Тояна, и использовалась татарами в 1728 г. в ходе их притязаний на некоторые земли около Томска. В итоге этот документ оказался в руках немецкого ученого, в результате чего и был опубликован.

Тоянов городок в XIX–XX вв. В XIX в. Тоянов городок превратился в археологический памятник. В 1889 г. здесь проводил раскопки могильника С.К. Кузнецов, который описал местность бывшей ставки татарского князя: «Тоянов городок расположен на левом берегу р. Томи, почти против середины г. Томска. Дорога к городку пролегает через нижний перевоз на р. Томи и проходит через паровую мельницу купца Пастухова. Занимаемая городком местность находится на покрытом сосновым лесом мысу, омываемом с юга речкой Кисловкой, и довольно высоко (от 20 до 25 сажень) поднимается над заливной долиной Томи. Вся юго-восточная сторона этого огромного мыса покрыта на громадном пространстве курганами, от трех аршин до трех сажень в поперечнике... Название «Тоянов городок» осталось за этим громадным кладбищем не случайно: на юго-западной стороне его до сих пор прекрасно сохранились вал и ров, идущие по направлению с Востока на Запад. Площадь городища покрыта в изобилие ямами, быть может, следами землянок, или зимних юрт, а обращенные к реке крутые склоны городища богаты черепками битой посуды, вместе с которой попадают и другие предметы, как, например, шиферное напрясло» [14. С. 139].

Примерно то же написал через несколько лет и С.М. Чугунов: «Тояновым городком называется местность на левом берегу р. Томи, возвышающаяся над заливной долиной Томи. Эта местность, ограниченная с юга речкой Кисловкой покрыта сосновым лесом, за исключением небольшого участка, вдающегося наподобие мыса в заливную долину Томи. Последний, представляет поверхность, изрытую ямами, ограниченными на юго-западной стороне валом и рвом» [21. С. 2].

В 1920–1930-е гг. Тоянов городок почти полностью был застроен корпусами больницы и в течение всего XX в. раскопкам не подвергался. Только в 2015 г. археологи Томского государственного университета провели разведочные работы на территории Тоянова городка, в результате чего стало ясно, что культурный слой местами всё же сохранился и его мощность составляет до 1,5 м. В шурфах найдено несколько сотен артефактов, время существования которых относится к XVII в.

Обсуждение. В данном разделе мы озвучим некоторые спорные вопросы, затрагивающие историю томских татар. До сих пор актуальными остаются проблемы происхождения томских татар и вхождения их территории в Сибирское ханство.

Вопрос происхождения томских татар напрямую связан со взглядами ученых на процессы тюркизации Томского Приобья в эпоху Средневековья.

Некоторые ученые полагают, что на протяжении II тыс. н.э. до момента прихода русских на рассматриваемой территории смены населения не происходило. Так, Л.М. Плетнева считает, что к XV в. культура томских татар уже сложилась, и она напрямую генетически связана с предшествующим тюркоязычным населением [22. С. 127]. По ее мнению, «местные тюрки – это именно те тюркские группы, которые сформировались на протяжении конца I – первой половины II тыс. на территории лесостепи Западной Сибири, в том числе и в Томском Приобье» [Там же. С. 130]. А.А. Адамов полагает, что в X в. в Томское Приобье проникли большие группы тюркского населения, и на их основе в дальнейшем сформировались томские татары [23. С. 84]. З.Я. Бояршинова считала томских татар аборигенным самодийским населением, которые были тюркизированы пришлыми группами [24. С. 84]. Н.А. Томилов, используя сведения Ф.И. Страленберга, а также данные этнографии и лингвистики, предлагает иную концепцию – эуштинские татары для территории Нижнего Притомья аборигенами не являются. Ранее они жили в Прииртышье и представляли собой самодийское в своей основе население, но были ассимилированы тюрками, а позже изгнаны ханом Кучумом со своих родных мест. Часть эуштинцев осела в Притомье, и впоследствии пришлые группы стали основой сложения культуры томских татар [25. С. 54–55].

На наш взгляд, вопрос происхождения томских татар усложняется условностью самого термина «томские татары», который был придуман для обозначения в определенный момент отдельной группы населения, проживавшей в Нижнем Притомье. Понятие «томские татары» является сконструированным собирательным термином, объединяющим различные этнические группы (чаты, эуштинцы, калмаки), каждая из которых имеет свою неповторимую и долгую судьбу. К тому же в сложении культуры татарского населения Притомья на протяжении XVII–XIX вв. участвовали казанские татары, а также выходцы из Средней Азии, именуемые в источниках «сибирскими бухарцами». Учитывая этническую и культурную многокомпонентность населения, названного в литературе «томскими татарами», проследить его общую судьбу и происхождение не представляется возможным. Мы считаем, что необходимо рассматривать каждый из его этнических компонентов в отдельности. Хотя и это усложняется чередой проблем. При скудности письменных источников, посвященных населению Сибири до прихода русских, эта задача во многом

падает на плечи археологии, требуя от нее разобраться в этнических корнях разных групп, оставивших после себя поселения и могильники. Но по силам ли это археологической науке, и этим ли она вообще занимается? Эта проблема методологического уровня, и мы убеждены, что археологические материалы (в первую очередь керамика) не могут в полной мере являться маркерами этнической или языковой принадлежности населения, оставившего памятник.

Например, по письменным источникам XVII в. [9, 12] мы знаем, что на реке Оби располагался Чатский городок – одна из главных ставок чатских мурз. Однако эти же источники сообщают, что в разные годы первой половины XVII в. в этом городке жили чаты, бухарцы, телеуты, черные калмыки, русские, т.е. представители трех различных языковых групп и разных культурных миров. Однако вряд ли к такому же выводу пришел бы археолог, имея археологические находки с этого городка и не располагая письменными данными.

Другой не менее интересный вопрос звучит так: входили ли земли эуштинцев Томского Приобья в состав Сибирского ханства накануне русской колонизации? В недавнее время в ряде статей А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров называют владения князя Тояна восточными рубежами Сибирского ханства и полагают, что эуштинцы были зависимы от хана Кучума [26, 27]. Они пишут, что «керамика по праву является основным археологическим маркером культурного единства населения Сибирского ханства» [27. С. 81]. Столь серьезный вывод они делают на основании проведенного ими «широкого анализа музейных коллекций, полевых материалов, опубликованных комплексов керамики позднесредневековых памятников Приобья, Барабы и Прииртышья, Пришимья и Притоболья» [Там же].

Однако ни конкретные результаты, ни статистические выводы, ни методологические основы проведенного анализа керамики в работах ни разу не приведены. Создаётся впечатление, что все выводы основаны на простом визуальном сходстве керамических комплексов некоторых позднесредневековых памятников. Даже если после методологически строгого исследования, которого пока никто не предпринимал, подтвердится типологическое единство позднесредневековой керамики для этой территории, то и это никоим образом не означает, что границы керамического ареала обязательно должны совпадать с политическими границами. Самые разные варианты совпадения и несовпадения керамических ареалов и этнических и культурных границ давно подробно рассмотрены [28].

Не менее удивляет и то, где А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров отметили городки эуштинцев на карте, по которым они провели восточную границу Сибирского ханства [27, рис. 1]. Они, к сожалению, не имеют представления об их местоположении – погрешности достигают более сотни километров и иногда доходят до двухсот! Например, Тоянов городок оказался на левом берегу Оби, намного севернее устья Томи!

Таким образом, существующее мнение о вхождении Нижнего Притомья в Сибирское ханство требует отдельного серьезного рассмотрения и конкретных доказательств.

К тому же по письменным источникам хорошо известно, что на рубеже XVI–XVII вв. эуштинцы были зависимы от киргизских князей, которые еще в 1628 г. называли князя Тояна своим лучшим холопом до прихода русских на р. Томь [13. С. 75]. Более того, практически все население бассейна Томи являлось западными кыштымами киргизов [29. С. 135–136]. Решение князя Тояна принять русское подданство во многом было вызвано стремлением обрести независимость именно от киргизов. Живший по соседству с Тояном князь Басандай, наоборот, остался в сговоре с киргизским князем Номчей, выступал против русских, за что попал в томскую тюрьму в 1608 г. [30. С. 162, 181].

История укрепленной ставки князя Тояна насчитывает как минимум 300 лет: от «прадеда» Тояна, обитавшего здесь еще до появления русских, до самого конца XVIII в., когда в силу озвученных выше причин городок был уже почти полностью заброшен. Собранные из разных источников сведения об эуштинских татарах демонстрируют крайнюю напряженность в регионе в XVII в., вызванную постоянной военной опасностью, исходившей от киргизов и телеутов. Эта угроза во многом способствовала консолидации русского и татарского населения, приводя к постоянной взаимопомощи, тесным культурным контактам и совместному проживанию уже через несколько лет после освоения Томска.

Обнаружение в 2015 г. участков хорошо сохранившегося культурного слоя Тоянова городка вселяют надежду и делают чрезвычайно актуальным проведение полноценных раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.
2. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Издательский дом «Д'Принт», 2015. 276 с.
3. Шерстова Л.И. Тояновы эуштинцы в этнокультурном пространстве города Томска (XVII – XIX вв.) // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска). Труды Томского государственного университета. Т. 267. Сер. Историческая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 70–74.
4. Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок: Каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм). Томск – Сургут : Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.
5. Чернышев Н.А. Отчет об археологических работах летом 1938 г. в окрестностях Томска // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Д. 126.
6. Грязнов М.П. Дневник раскопок Тоянова городка, произведенных в 1924 г. // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 19. С. 73–89.
7. Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. М., 1788. Ч. III. 476 с.
8. Полевой Б.П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XIX века. Новосибирск : Наука, 1981. С. 57–63.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Восточная литература РАН, 2000. Т. 2. 796 с.
10. Шерстова Л.И. Трансформация аборигенного населения Южной Сибири в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 92–103.
11. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск : Наука, 1992. 197 с.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
13. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – нач. XVIII вв. Абакан, 1995. 258 с.
14. Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях Томска, произведенных летом 1889 г. // Известия Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2. С. 123–200.
15. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.
16. Элерт А.Х. Г.Ф. Миллер о коренном населении Томского уезда // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1987. С. 171–178.
17. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Мусульманские некрополи XVII–XIX вв. в окрестностях Томска // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 125–131.
18. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 гг. С.У. Ремезовым и его сыновьями. Собр. Н.П. Румянцева. Ф. 256. №. 346.
19. Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. С. 172–186.
20. Емельянов Н.Ф. Татары Томского края в феодальную эпоху // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 73–87.
21. Чугунов С.М. Древнее кладбище близ города Томска «Тоянов городок» // Материалы для антропологии Сибири. Томск : Тип. Макушина, 1901. Вып. 13. 34 с.
22. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
23. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
24. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 151 с.
25. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
26. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Восточные границы Сибирского ханства // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск : Томский государственный университет, 2013. Вып. 3. С. 467–473.
27. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 78–82.
28. Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов) : Препринт. Екатеринбург : Уральское отделение РАН, 1993. 40 с.

29. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М. : Наука, 1993. 528 с.
30. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 2. 1228 с.

Vodyasov Eugenie V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru; Zaitceva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russia) E-mail: snori76@mail.ru

CHRONICLES OF TOYAN'S TOWN: ON THE HISTORY OF EUSHTA TATARS IN THE 17TH–18TH CENTURIES.

Keywords: Knyaz Toyan; Eushta Tatars; Toyan's Town; colonization of Siberia.

The article is devoted to the most important events in the history of Eushta knyaz Toyan and his subjects in the 17th–18th centuries. Although Tomsk emerged on the map of Siberia largely due to knyaz Toyan's policies, Toyan's Town never became a "place of memory" for citizens. It was severely damaged when the tuberculosis hospital was built on the spot. All of this makes it relevant to reconstruct the milestones of the history of Eushta Tatars. The history of knyaz Toyan's stavka counts at least 300 years: from Toyan's great-grandfather, who lived there even before the Russians came, until the very end of the 18th century, when the Town was almost abandoned due to various reasons named in the article. Information on Eushta Tatars collected from different sources demonstrates an extremely high level of stress in the region in the 17th century caused by permanent military threat coming from Kyrgyz people and Teleuts. This threat prompted consolidation of the Russians and Tatars very much, producing the ongoing mutual support, close cultural contacts and sharing the same territories as early as a few years after Tomsk was founded. Tatars and Russians participated jointly in at least 14 campaigns and battles during the first third of the 17th century. We also discuss the vital issues associated with origins of Tomsk Tatars and including their territories into the Khanate of Sibir. Considering the fact that "Tomsk Tatars" is constructed as an umbrella term covering various ethnicities (Chat, Eushta, Kalmak) and that the Pritomye Tatar culture developed with participation of Kazan Tatars and people of Central Asian descent in the 17th–19th centuries, we believe it to be impossible to trace the general origins of Tomsk Tatars. Each ethnic subgroup should be investigated individually. Another question discussed in the article is whether territories of Eushta Tatars were included into the Khanate of Sibir. The issue is challenging in that there is no evidence of Kuchum Khan having control over the territories. Besides, the article cites materials proving the subordinacy of Eushta Tatars to Kyrgyz people who said knyaz Toyan had been their best kholop (serf) before Russians came to the river Tom. Finally, the archaeological surveys carried out on Toyan's Town in 2015 proved there is a preserved cultural layer, which brings back to light a lot of issues associated with preserving and studying one of the key monuments in the history of Tomsk.

REFERENCES

- Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' serediny XVII-XVIII vv.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [The Tomsk Kremlin in the middle of the 17th–18th centuries: The problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
- Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomске. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The Vaivode's manor in Tomsk. 1660–1760-ies : The historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
- Sherstova, L.I. (2005) *Toyanovy eushtintsy v etnokul'turnom prostranstve goroda Tomсka (XVII – XIX vv.)* [The Toyan Eushta in the ethnocultural space of Tomsk (the 17th–19th centuries)]. In: Zinoviyev, V.P., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiyu g. Tomсka)* [The fate of the regional center in Russia (for the 400th anniversary of Tomsk)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 70–74.
- Yakovlev, Ya.A. (2009) *Mogil'nik Toyanov Gorodok: Katalog kollektzii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm)* [The Toyan Town Burial: F.R. Martin's Collection Catalogue in 1891, from the collections of the State Historical Museum (Stockholm)]. Tomsk – Surgut: Tomsk State University.
- Chernyshev, N.A. (1938) *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh letom 1938 g. v okrestnostyakh Tomсka* [Report on archaeological work in the summer of 1938 near Tomsk]. The Archives of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. File 126.
- Gryaznov, M.P. (1976) *Dnevnik raskopok Toyanova gorodka, proizvedennykh v 1924 g.* [The Diary of excavation of the Toyan Town in 1924]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 73–89.
- Novikov, N.I. (1788) *Drevnyaya Rossiyskaya vivliofika* [The Ancient Russian Library]. 2nd ed. Moscow.
- Polevoy, B.P. (1981) *Novoe o Vasiliy Tyrkove, osnovatele Tomсka* [New about Vasily Tyrkov, the founder of the Siberian city of Tomsk]. In: *Sibirskie goroda XVII – nachala XIX veka* [Siberian cities in the 17th – early 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 57–63.
- Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literature.
- Sherstova, L.I. (2010) The transformation of native economy in the South Siberia in the 17th–20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(9). pp. 92–103. (In Russian).
- Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhily Sibiri. Istoriko-etnograficheskie ocherki. XVII – nachalo XVIII v.* [The old-timers of Siberia. Historical and ethnographic essays. The 17th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literature.
- Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII – nach. XVIII vv.* [Materials on the history of Khakassia of the 17th – early 18th centuries]. Abakan: UPP Khakasiya.
- Kuznetsov, S.K. (1890) *Otchet ob arkheologicheskikh razyskaniyakh v okrestnostyakh Tomсka, proizvedennykh letom 1889 g.* [Report on archaeological researches near Tomsk in the summer of 1889]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 2. pp. 123–200.
- Boyarshinova, Z.Ya. (1950) *Naselenie Tomskogo uyezda v pervoy polovine XVII veka* [The population of Tomsk district in the early 17th century]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 112. pp. 23–210.
- Elert, A.Kh. (1987) G.F. Miller o korennom naselenii Tomskogo uyezda [G.F. Miller on the indigenous population of the Tomsk district]. In: Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (eds) *Traditsionnye verovaniya i byt narodov Sibiri* [Traditional beliefs and way of life of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 171–178.
- Vodyasov, E.V. & Zaytseva, O.V. (2015) Muslim necropolis of XVII–XIX centuries near Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(33). pp. 125–131. (In Russian).
- Remezov, S.U. et al. *Chertezhnaya kniga Sibiri 1701 g., sostavennaya 1699–1700 gg. i ego synov'yami* [The Drawing Book of Siberia in 1701, compiled in 1699–1700 by S.U. Remezov and his sons]. Coll. of N.P. Rumyantsev. Fund 256. №. 346.
- Miller, G.F. (1996) *Puteshestvie po vode v niz po Tomi i Obi ot Putevka do Naryma. 1740 g.* [Travel by water down the Ob and Tom from Tomsk to Narym. 1740]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia in the 18th century in the travelogues by G.F. Miller]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 172–186.
- Emelyanov, N.F. (1978) *Tatary Tomskogo kraya v feodal'nyu epokhu* [The Tatars of Tomsk region in the feudal era]. In: Matyushchenko, V.I. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural history of the population of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 73–87.

21. Chugunov, S.M. (1901) *Drevnee kladbishche bliz' goroda Tomsk "Toyanov gorodok"* [The ancient cemetery near the city of Tomsk "The Toyan Town"]. Tomsk: Makushin.
22. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkhologicheskim istochnikam)* [The Tomsk Ob in the early II millennium AD (According to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob in the 10th – 14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
24. Boyarshinova, Z.Ya. (1960) *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii* [The population of Western Siberia to the beginning of Russian colonization]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Tomilov, N.A. (1992) *Emicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny kontsa XVI – nachala XX v.* [Ethnic History of Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 16th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
26. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2013) Vostochnye granitsy Sibirskogo khanstva [The eastern boundary of the Siberian Khanate]. Ozheredov, Yu.I., Pankratova, L.V., Rykun, M.P., Cheremisina, K.P., Mironenko, N.V. (eds) *Kul'tury i narody Severnoy i Tsentral'noy Azii v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North and Central Asia in the context of interdisciplinary studies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 467-473.
27. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2013) To a question of eastern frontiers of the Siberian khanate. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(24). pp. 78-82. (In Russian).
28. Shnirelman, V.A. (1993) *Arkhologicheskaya kul'tura i sotsial'naya real'nost' (problema interpretatsii keramicheskikh arealov)* [Archaeological culture and social reality (the problem of interpretation of ceramic ranges)]. Ekaterinburg: RAS.
29. Kyzlasov, L.R. (ed.) *Istoriya Khakasii s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [History of Khakassia from Ancient times until 1917]. Moscow: Nauka.
30. Russian Archeological Commission. (1875) *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiyey* [The Russian Historical Library, published by the Archeological Commission]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].